ИДЕИ И ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

В.Ю. Апрыщенко

БЫТЬ «БРИТАНЦЕМ» В БРИТАНИИ ДЕБАТЫ ОБ АНГЛО-ШОТЛАНДСКОЙ УНИИ 1603–1707 гг.

Статья посвящена влиянию англо-шотландских отношений на формирование идеи «Британии» в XVII в. Используя широкий круг, преимущественно нарративных источников, автор анализирует массовый и элитарный дискурс англо-шотландских отношений в период между двумя актами – 1603 и 1707 гг. Выделяя четыре этапа формирования «британскости» – рубеж XVI–XVII вв., 1630-е; 1640–1650-е; 1660–1670-е; 1690-е – 1707 г., он доказывает, что вопрос о соотношении между «английскостью», «шотландскостью» и «британскостью» обуславливался рядом факторов. Наиболее значимые среди них – отношение к династии Стюартов, понимание роли монархии в целом, а также интеллектуальное осмыслении шотландской истории. Автор приходит к выводу о том, что с точки зрения формирования идеи «британскости», 1603–1707 гг. были единым процессом инкорпоративной унии, ограниченным двумя правовыми актами и нашедшим отражение как в элитарном, так и в массовом дискурсе.

Ключевые слова: *англо-шотландская уния, идентичность, национализм, «британскость», петиции, Стюарты, XVII век*

Период между англо-шотландскими униями 1603 и 1707 г. является наиболее сложным этапом шотландской истории Нового времени, особенно с точки зрения формирования национальной идентичности, включая идею «британскости» – формирования представления об общем прошлом, настоящем и будущем народов, проживающих на территории Туманного Альбиона. Если политическая история этого времени исследована довольно хорошо, главным образом с акцентом на последствия унии корон и формирования предпосылок унии парламентов, а также гражданских войн 1640-1650-х гг., то вопрос об эволюции взаимных образах шотландцев и англичан остается все еще слабо отраженным в историографии. И здесь исследователи часто попадают в ловушку анахронизма и здравого смысла.

XVII век вошел в европейскую историю как «золотой век» и век кризиса. Исследователи, занимающиеся его изучением, акцентировали внимание, с одной стороны, на т.н. «научной революции», заложившей основы новой картины мира, а, с другой, на различных формах социального протеста, одной из которых стала «британская революция»[1]. В отличие от сторонников традиционной идеи «английской революции», авторы концепции «британской революции» отстаивают мысль о том, что в середине XVII в. Стюарты столкнулись с революционными потрясениями во всех трех частях королевства – и в Англии, и в Шотландии, и в Ирландии. Это привело к конституционным изменениям, гражданским войнам, казни монарха, развитию идей республиканизма, и в ко-

[1] Macinnes 2004.

нечном счете к реставрации. Оппозиционные настроения по отношению к Стюартам, рассматриваемым в качестве имперской династии, подчинившей себе народы Британии, во всех трех частях королевства постоянно развивались и принимали различные формы. Соответственно им менялся как сам образ Британии, так и восприятие отношений между Англией, с одной стороны, и Шотландией или Ирландией – с другой.

Такой подход к истории британского XVII века порождает важные исследовательские результаты, лежащие в двух плоскостях. Во-первых, рассматривая события середины XVII столетия в британском, а не в английском контексте, историк преодолевает англоцентричное понимание прошлого, ставя в центр исследовательского внимания не просто противостояние «кавалеров» и «круглоголовых», но большой и сложный комплекс массовых представлений, включая апокалиптические взгляды, распространенные в разных частях королевства, коммерческие сети, репрезентативные образы и распространяемые письменные тексты. Все это позволяет смотреть на, казалось бы, устоявшиеся проблемы в разных аналитических измерениях, включая национальные, но не только под углом английских интересов, но также шотландских и ирландских.

Не менее важно и второе последствие такого широкого «британского подхода». Идея «Британии» в своем развитии прошла несколько этапов, но, вероятно, именно XVII и начало XVIII в. занимают в этой эволюции особое место. Рассматривая историю этого периода, включая акт об унии корон, кромвелевское завоевание Шотландии, и акт 1707 г. как результаты английской политики исследователь попадает в ловушку анахронизма, полагая все события лишь шагами на пути к присоединению Шотландии и исключая все те развилки и варианты развития, каких было множество в истории британского XVII века.

Казалось бы, естественным, учитывая драматические, а порой и трагические страницы англо-шотландского противостояния периода Средних веков, предполагать взаимную враждебность, обуславливающую отношения между двумя народами в XVII в. И тогда английским правящим классам необходимо было приложить неимоверные усилия для того, чтобы подчинить Шотландию. Этой логике здравого смысла и следуют многие историки, подходящие к изучению этого вопроса с уже готовыми ответами. Однако, как это часто бывает, исторические свидетельства той поры говорят об обратном.

Несмотря на то, что ежегодно англо-шотландским отношениям в раннее Новое время посвящаются десятки публикаций, союз 1707 года все еще является дискуссионной проблемой. В самом общем виде многообразие точек зрения на унию 1707 г. может быть сведено к двум подходам. Сторонники первого исходят из того, что договор был заключен как результат мер дальновидных шотландских политиков, осознающих потребность стимулов для развития шотландской экономики и политической культуры, а также новых средств разрешения полити-

ческих и экономических проблем, с которыми столкнулась Шотландия в рамках унии корон. Эта точка зрения, восходящая, видимо, к оценкам Даниэля Дефо[2], была связана с вигским историописанием и преобладала в историографии с периода Просвещения до 1960-х гг.[3] В наиболее детализированной форме она представлена в трудах современных историков, прежде всего, Тома Смута и Кристофера Уотли, рассматривающих Шотландию как главного бенефициара унии[4]. В работе, опубликованной в 2006 г., К. Уотли характеризует шотландских политиков, обсуждавших перспективы унии, как «высокомерных циников», а само решение о союзе называет рациональным шагом[5].

Противоположную позицию представляют те исследователи, которые полагают, что уния была результатом политических манипуляций и коррупции, направленных на защиту привилегий шотландской парламентской элиты в ущерб интересам шотландской нации. Эта точка зрения занимает центральное место в ревизионистских исследованиях союза 1707 г., опубликованных в 1960-х и 1970-х гг. Уильямом Фергюссоном и Патриком Уильямом Джозефом Райли[6]. В той же степени, что вигская историография находилась под влиянием отчетов Дефо, бывшего личным свидетелем дебатов об унии в Эдинбурге, ревизионисты основывали свои идеи на интеллектуальном наследии якобитского политика Локхарта Карнвата, оставившего воспоминания об унии и, в частности, о коррумпированности шотландских парламентариев[7]. Среди современных историков, разделяющих эту точку зрения, выделяются Пол Скотт с его полемическим текстом «Союз 1707 года: как и почему»[8] и Аллан Макиннес. Последний в работе, посвященной якобитизму, выдвигает националистические аргументы, утверждая, что союз представляет собой принесенную в жертву национальную независимость и является результатом запугивания и манипуляции со стороны английских вигов и «очевидного презрения к общественному мнению, отраженному в наказах»[9]. В другом исследовании А. Макиннес утверждает, что доступ к благам империи имел решающее значение для достижения и поддержания союза. Подчеркивая высокий уровень «управленческого мастерства» в продвижении унии, историк полагает, что союз представлял собой «жертву шотландского суверенитета» и «служил, в первую очередь, интересам Англии»[10].

Вопрос о «шотландской нации» и «политическом участии» является центральной проблемой историографических дискуссий об англо-

[2] Defoe 1709.
[3] Whatley 2006: 23-24, 31.
[4] Smout 1964: 455-467; Whatley 1989:150-181.
[5] Whatley 2006.
[6] Riley 1979; Ferguson 1964: 89-110.
[7] Lockhart 1714.
[8] Scott 2006.
[9] Macinnes 1996: 193.
[10] Macinnes 2007: 11, 314, 316.

шотландском объединении и 1603, и 1707 г. В этой связи одной из наиболее сложных тем стала проблема отношения шотландского «народа» к объединению, концептуализируемая в категории «национальная идентичность». Представляя свой аргумент о том, что союз был результатом политической коррупции, Фергюссон утверждал, что «шотландская нация в целом была враждебна договору». Между тем, по мнению Уотли, некоторые шотландцы поддержали унию, и было великое множество тех, кто не определился с этим вопросом[11].

В XVII в. некоторые англичане все еще полагали шотландцев дикими варварами, создавая образы, подобные более поздней карикатуре, где изображен хайлендер, не ведающий как пользоваться благами современной ему цивилизации. Хотя мы не можем знать, насколько широко такой образ шотландца был распространен в Англии или разделялся англичанами, живущими в Шотландии, сам механизм создания и формы репрезентации взаимных образов все еще нуждаются в изучении. Несомненно, что листовки и памфлеты внесли свой вклад в конструирование таких образов, и их роль была особенно велика в периоды, когда южные британцы должны были мобилизоваться на сопротивление северянам. Но, как бы то ни было, за ганноверскую Британию и дома, и на континенте боролись как гэллы, так и равнинные шотландцы. Памфлеты и листовки, наиболее активно распространявшиеся в моменты кризисов, вроде того, что разразился в период, когда готовилась и обсуждалась уния 1707 г., заостряли проблемы, которые имплицитно существовали в обществе, порой провоцировали массовое недовольство, но неизменно отражали общественное восприятие того или иного сложного вопроса.

По мнению Дж. Джонса, наиболее полное представление о проявлениях общественного мнения в Шотландии дают петиции[12]. Петиции, как форма волеизъявления, должны были демонстрировать общественную солидарность, олицетворяя саму Шотландию и ее прошлое, единение всей нации в борьбе за идею накануне акта 1707 г. Начиная с 1690-х они имели неограниченное хождение среди противников унии и поддерживающих их политических сил. Характерно, что петиции практически не использовались проюнионистскими слоями, и парламент не получил ни одного такого документа в поддержку союза[13]. Памфлеты, листовки и петиции, пожалуй, больше, чем другие источники, правовые или документальные, дают информацию о разнонаправленных процессах формирования взаимных образов. В обоих лагерях были как сторонники объединения, пытавшиеся создавать взаимные комплиментарные образы, так и те, кто выступал с непримиримых позиций, настаивая на превосходстве южных британцев над северными, или на особом историческом праве шотландцев на независимость.

[11] Whatley 2006: 6.
[12] Jones 1993: 332.
[13] Atlas of Scottish History 1996: 391.

Взаимные образы и отражающие их памфлеты демонстрируют сложные дебаты об идентичности с точки зрения отношений центра и периферии. Помещенные в особый исторический контекст, когда дискутировалось и принималось решение об англо-шотландском акте 1707 г., они становились средством излечивания и историзации травмы[14], закладывая основу будущих гранд-нарративов следующего столетия. Полагая союз явлением значимым и, вероятно, необратимым, авторы памфлетов и листовок своей аудиторией считали тех британцев, кто более всего был озабочен судьбой объединения и его последствиями.

В этом смысле сопротивление союзу становится более сложным явлением, чем просто политическая борьба, в котором семейственность элиты, оппозиционная парламентская политика, критические политические тексты и «народные» действия, включая направленные против унии городские беспорядки, формируют единый антиуниатский дискурс. Все эти проявления протеста должны быть признаны неизбежно взаимосвязанными, что в свою очередь, означает невозможность полагания оппозиции унии ни в качестве свидетельства манипуляции «народом» со стороны элиты, ни как отражение «естественных» патриотических настроений. Отношение народа к объединению следует рассматривать как результат дискурса и событий[15]. А само общественное мнение мобилизовывалось, но не полностью контролировалось, оппозиционными политическими элитами и парламентским деятелями.

Эти настроения неизбежно отражали отношение к идее Британии и к «британскости». В период между униями 1603 и 1707 гг. идея исторического противостояния двух народов была одной из ключевых в объяснении англо-шотландских контактов предшествующих столетий. Она во многом лежала в основе антиуниатского дискурса, определяя национальную идентичность и политическую активность противников объединения. С другой стороны, образ воинственных шотландцев, отстаивавших независимость своей родины, основывался на представлении о мужестве их отважных предков, противостоящих южному агрессору и защищавших независимость Шотландии. Рыцарская основа шотландской национальной культуры в этом дискурсе подпитывала не только поведение элит, но и полагалась в качестве фундамента классической республиканской мужественности – отношение к прошлому и отношение в современной политике пересекались в идее республиканского героизма. Хотя все шотландцы рассматривались в качестве подданных монарха, кто именно мог претендовать на политическое участие (в данном контексте рассматриваемое как представление в парламенте своих взглядов) – вопрос, являвшийся предметом споров в рамках антиуниатского дискурса. С одной стороны, антиуниатская идеология была адресована «независимому человеку» – землевладельцу, свободному от податей и обязательств, а, с другой, апеллировала к более широкой народ-

[14] Репина 2012: 3-37.
[15] Bowie 2007: 92.

ной оппозиции, в которой шотландцем-патриотом мог быть любой человек, активно выступавший против унии.

Несколько десятилетий, последовавших за унией 1603 г., стали временем перемен, что позволяло многим шотландцам с оптимизмом смотреть в будущее. Представления о шотландской государственности, развиваемые в XVII в. сторонниками независимости Шотландии, основывались на антиуниатском дискурсе, отраженном в этноцентрическом подходе к шотландскому прошлому, и восходили к воззрениям Джорджа Бьюкенена (1506–1582). Влиятельная протестантская фигура эпохи Реформации, модератор Генеральной ассамблеи Шотландской церкви Бьюкенен представил прошлое Шотландии в концепции аристократической добродетели. Мыслитель рассматривал древнюю конституционную историю Шотландии, концептуализируя ее в рамках теории народного суверенитета, где «народ» означал собрание знати и вождей кланов[16]. Бьюкенианская традиция подпитывала идеи, направленные против акта 1603 года, подчеркивая шотландскую двухсотлетнюю независимость, начиная с правления Фергюса I.

В период гражданских войн 1640–1650-х гг. многие шотландцы, часть из которых были англиканами и даже епископами, и при необходимости задействовали свою британскую идентичность в качестве способа подтверждения антиковенантских настроений, поддержали монархию. Источники той поры, особенно свидетельства личного характера, где, как в случае письма Акселя Оксеншерне, отмечается, что «Британия — это моя Патрия…, так как здесь я родился»[17], свидетельствуют, что шотландцы поддерживали ту или иную сторону конфликта в зависимости от целого ряда обстоятельств, как правило, вполне прагматического характера. Документы отражают как расклад сил, так и отношение авторов к проблеме Британии: в случае 1640–1650-х гг., за редким исключением, когда термин «Британия» использовался в геополитическом смысле, он определял отношение к Стюартам и их месту на престоле[18].

Майкл Линч обратил внимание на то, что в английском парламенте 1640-х гг. был сделан целый ряд антишотландских выпадов[19]. Но это не означает отрицание английскими элитами «британскости» как перспективы развития англо-шотландских отношений. В 1616 г. граф Ноттингем в качестве английского верховного адмирала отправил датскому Кристиану IV послание, подписав его «англоязычный британец»[20]. Будучи верным слугой монарха, Ноттингем, возможно, следовал общему политическому тренду, в рамках которого англичане все чаще, особенно в частной переписке, ассоциировали себя с Британией, а не с Англией. 8 мая 1619 г. Джозеф Миккельтуэйт отметился в Лейденском уни-

[16] Kidd 1993: 20-21.
[17] Rikskansleren 1977: 959; James King to Axel Oxenstierna 1641.
[18] The Letters and Journals of Robert Baillie 1841: 357.
[19] Lynch 1991: 317.
[20] D[anish] R[igs] A[rchive]1616.

верситете в статусе «англо-британца». В 1619–1624 гг. как минимум дюжина других англичан были зачислены в этот университет как «англо-британцы». Эти сведения опровергают мнение о том, что быть «британцами» стремились лишь выходцы из Шотландии. Более того, британская идентичность, пусть и в ограниченном масштабе, уже в XVII в. являлась статусом, свидетельствующем о степени вовлеченности в общественные процессы на Британских островах и в колониях, к которому стремились не только жители древней Каледонии, но и выходцы с земель к югу от англо-шотландской границы. Эти процессы превращали «британскость» из перспективы в историческую реальность, не сводя ее лишь к усовершенствованной версии «английскости».

1640-е и 1650-е годы в этом смысле были решающим периодом. По мере того, как силы английского парламента, благодаря Армии нового образца, одерживали верх над роялистами, вопрос о взаимоотношении англичан и шотландцев обретал новое звучание, и расклад сил менялся. Армии двух частей королевства встретились 3 сентября 1651 года в сражении при Вустере, где сопротивление шотландцев было окончательно сломлено. Но означает ли это, что шотландцы и англичане ненавидели друг друга?

При беглом анализе англо-шотландских отношений 1650-х гг. мы сталкиваемся со свидетельствами, в которых шотландцы, проживающие в Лондоне, подвергаются осуждению, как те, кто благодетельствует в логове врага, в то время как их соотечественники подвергаются завоеванию[21]. Правда это осуждение носит, скорее, сочувственный характер, в нем отсутствуют мотивы злобы и негодования. Сэмюэль Хартлиб пишет о судьбах шотландских женщин-пивоваров в Лондоне, которые занимались своими делами в то время, когда Армия нового образца продвигалась на север, чтобы принять сражение с войском Карла II[22]. Даже после Вустера мы встречаем достаточно свидетельств сочувственного отношения со стороны жителей Англии, включая солдат, в отношении шотландцев. Прекрасная иллюстрация этого содержится в мемуарах Эндрю Мелвилла. Раненый в сражении при Вустере шотландец Мелвилл был оставлен полностью раздетым умирать на обочине дороги неподалеку от поместья некой английской леди. С помощью двух своих дочерей она втащила его в дом и, подвергаясь риску быть обвинённой в помощи неприятелю, ухаживала за Мелвиллом в течение более трех месяцев[23]. Источники хранят молчание о том, была ли эта леди роялисткой или просто доброй христианкой, но ее поведение бросает вызов тем исследователям, которые априори уверены во взаимном враждебном отношении англичан и шотландцев. Мелвилла обнаружил в доме англичанки один из солдат Кромвеля, отправленный в город с тем, чтобы искать беженцев-роялистов. Однако, найдя шотландца,

[21]Grainger 1997.
[22]Samuel Hartlib Papers 1650.
[23]Ameer-Ali 1918: 127-8.

солдат, ощутив вину и сочувствуя Мелвиллу, выпил с ним кружку пива, дал ему денег и оставил обещание не выдавать его местоположение; обещание, которое он, очевидно, сдержал[24]. В дальнейшем Мелвилл повествует о многочисленных других случаях, когда англичане давали ему деньги, хранили его историю в тайне и, как правило, шли на риск, помогая покинуть страну и отправиться на континент.

Источники сохраняли целый ряд примеров того, что шотландцы в Англии сохраняли в целом добрые отношения не только с местным населением, но и с административными институтами. Джордж Форбс, шотландец из Абердина, будучи клерком на службе Ост-Индской компании, выйдя на пенсию, получил пять шиллингов содержания плюс две комнаты в богадельне компании в Лондоне. Это было в два раза больше суммы, предоставляемой другими компаниями на содержание своих служащих[25]. Шотландские купцы на всем протяжении кромвелевской эпохи беспрепятственно вели торговлю в лондонском Сити. Уильям Бартон в 1653 г., Роберт Инглис – в 1656 г., Джон Лайон – в 1658 г. занимались в английской столице торговыми операциями, условием которых было получение лицензии[26]. В это же самое время офицеры Армии нового образца инвестировали средства в университеты Шотландии, чтобы обеспечить дальнейшее развитие шотландского образования. И сам лорд-протектор был связан с шотландцами узами дружбы, привлекая наиболее выдающихся из них на государственную службу. Джон Дюри занимал дипломатические посты в Швеции и Швейцарии, а Уильям Локхарт представлял режим в качестве посла и военного командующего во Франции[27]. И это, не говоря уже о многочисленных шотландцах, занимавших места в парламентах Содружества и протектората 1656 и 1659 гг., а также служивших в качестве младших чинов военно-морских сил Британии эпохи Кромвеля[28]. Важным фактором в англо-шотландских отношениях этого периода была религиозная терпимость, являвшаяся частью общего процесса интеграции.

При этом кромвелевская Англия была далека от единства, а «британскость» использовалась в качестве политического фактора как сторонниками протектора, так и его противниками. В то время как часть шотландцев присоединились к республиканской армии и политическому аппарату, существенное число англичан выступили против Кромвеля и стремились подорвать власть протектора. Так, генерал Томас Рокби обратился к полку шотландских солдат, расквартированному в Польше, с призывом присоединиться к делу роялистов, добавив: «Я очень рад этому случаю, чтобы сообщить вам об огромном служении, которое вы можете оказать своему королю, послав всех своих людей [в поддержку]

[24] Ameer-Ali 1918: 129-30.
[25] CMEIC 1654: 113. Court Minute 1651.
[26] Taylor 2003: 18-20.
[27] Murdoch 2006: 280-312.
[28] Pinckne 1967: 247-256; Casada 1972: 124-147.

монарху»[29]. Хотя Рокби не развивает идею «британскости» в своих заявлениях, рассуждая в терминах служения монархии, он не использует и антишотландскую риторику. В гражданских конфликтах середины XVII века политическое преобладало над национальным, и чувство «британскости» побуждало многих англичан, выступавших против Кромвеля, демонстрировать свою лояльность Стюартам.

Хотя в 1650-х гг. произошли, как минимум, два крупных сражения между армиями, преимущественно состоящими из представителей одной из наций, в повседневной жизни большая часть жителей двух частей королевства не выказывала явной принадлежности к какому-то одному лагерю. Эти люди просто занимались каждодневными делами, вели торговлю, вступали в брак с представителями другой нации. Англо-шотландское противостояние середины XVII века слишком часто и, вероятно, излишне поспешно изображается в националистических терминах, не отражающих тот факт, что в Шотландии, Англии и Ирландии шли, в первую очередь, гражданские войны, и армии каждой части королевства имели как союзников, так и врагов из другого лагеря. Дискурс «британскости» в середине XVII века имел ярко выраженный политический оттенок и был присвоен роялистами в качестве знака лояльности Стюартам. Учитывая это, стоило бы очень осторожно определять воинствующие стороны в британской гражданской войне.

С крахом протектората Ричарда Кромвеля для британцев во всех частях королевства начался новый этап истории, отразившийся на восприятии «британскости». Реставрация привела к тому, что многие бывшие сторонники лорда-протектора теперь всячески демонстрировали свою преданность Карлу II. Ярким примером этого является творчество английского поэта Эндрю Марвелла – некогда преданного сторонника Кромвеля и яростного критика всего шотландского. В 1669 г. он написал стихотворение «Верный шотландец», посвященное капитану Арчибальду Дугласу. В сражении при Меде в 1667 г. тот командовал полком шотландцев и проявил чудеса героизма, в то время как английский отряд бежал с поля боя, не выдержав натиска голландцев. Слова «наша английская молодежь воспоет песнь доблестному шотландцу»[30] не только соответствовали политическому дискурсу первых лет Реставрации, но также отражали стремление Карла способствовать примирению элит разных частей королевства. На смену англичанам и шотландцам должны были прийти британцы, и с 1650-х гг. это был уже вопрос не отношения к династии Стюартов, а проблема взаимодействия элит.

Марвелл, как и многие его современники, вторил своим предшественникам. В данном случае призывам Джона Мэйра, провозгласившего полутора веками ранее идею о необходимости «избавить остров от ядовитых слов «англичанин» и «шотландец»». Однако от других интел-

[29] Firth 1903: 61-81.
[30] Marvell 1974: 184-185.

лектуалов Марвелла отличало то, что ему уже были совершенно очевидны плоды протестантизма, под знаменами которого интеллектуальные и политические элиты размывали границы, разделявшие разные части Британии. При этом английская гегемония была несомненна[31].

С 1660-х гг. начинает формироваться новый шотландский национализм, основные черты которого сложились к концу XVII в., и дискуссии об унии были вытеснены с шотландских улиц в интеллектуальную сферу. Это означало начало нового этапа в формировании идеи «британскости». Большая часть столетия была отмечена появлением лишь небольшого числа самостоятельных философских идей в Шотландии. Чаще это была рецепция ренессансных текстов, подготавливавшая почву для интеллектуального взрыва следующего века[32]. Вместо абстрактных философских размышлений шотландцы XVII в. оставили целый ряд правовых и естественнонаучных трактатов, что соответствовало общеевропейской тенденции. В Шотландии вниманию к праву способствовал акт об унии корон, на который отозвался ряд мыслителей. В частности, сэр Томас Крэйг Риккартон в 1603 и 1605 гг. сравнивал английское и шотландское право для того, чтобы подтвердить обоснованность англо-шотландской правовой унии. Однако спустя несколько десятилетий его последователи – Джеймс Далримпл (1681) и сэр Джордж Маккензи (1684) работали над тем, чтобы обосновать разницу между шотландской и английской правовыми системами.

1680-е гг. стали в Шотландии временем интеллектуального процветания, совпавшим с общественным спокойствием и отразившим выработанный компромисс по вопросу англо-шотландских отношений. Лорд-адвокат Джордж Маккензи, оставивший заметный след в шотландской истории, написал ряд философских и политических трудов, трактатов по истории и праву и, будучи деканом Факультета адвокатов, основал Адвокатскую библиотеку. Его коллега Джеймс Далримпл, позднее – виконт Стар, в 1671 г. ставший Лордом-президентом Судебной сессии, опубликовал в 1681 г. труд «Институты шотландского права», окончательно сформировав тем самым шотландскую правовую систему на основе римского права. «Институты Стара» использовались многими поколениями шотландских студентов, поскольку содержали и теоретико-философский, и практический материал, формируя специфику шотландской правовой системы. Внешним показателем этого периода спокойствия служит архитектура и, в частности, дома знати, которые ранее строились как укрепленные сооружения, а теперь стали напоминать большие сельские дома. Некоторые земельные собственники стали проявлять больший интерес к расширению земельных владений. Это была эпоха Стара в праве, Брюса – в архитектуре, Сиббалда – в медицине. Жизненный уровень рядовых шотландцев, населявших городки и деревни, был в этот период выше, чем в соседних странах, включая Ан-

[31] Macinnes 2002: 17.
[32] Broadie 2010: 99-103.

глию. Однако по численности городского населения лишь Эдинбург входил в число крупнейших европейских городов.

В рамках бьюкенианской парадигмы в 1695 г. было опубликовано «Шотландское утверждение суверенитета» Джорджа Ридпата (1660?–1726). В реальности являясь переводом с латинского на английский язык трактата Томаса Крейга *«De Hominio»* (1602), текст был посвящен критике претензий английских историков на древний шотландский суверенитет. Взамен этого подчеркивалась успешность Шотландии в поддержании собственной многовековой независимости. Рассуждая в таком роде, Ридпат отрицательно оценивает роль южной соседки, подчеркивая, что пока Шотландия сохраняла свою независимость, Англия была склонна к вторжениям и подчинению.

Идеи интеллектуалов отражались и в политических практиках, в том числе в деятельности шотландского парламента, который к началу XVIII в. не был демократическим институтом в том смысле, который придавался этому слову после реформ 1832 г. В 1702–1703 гг. в шотландских выборах, где избирался Союзный парламент, могли принять участие только около двух с половиной тысяч шотландцев из примерно одного миллиона населения, выбиравших уполномоченных от бургов и графств. В дополнение к этим избранным членам парламента в его состав входили и не избираемые парламентарии. Все три сословия собрались вместе в однопалатном парламенте, в котором из-за ограничительных правил, позволяющих использовать патронаж для определения результатов выборов, доминировали землевладельческие элиты. Представители графств, известные как бароны, были преимущественно из низшего дворянства. После воссоздания Генеральной ассамблеи Шотландской церкви в качестве независимого религиозного политического органа в 1690 г. и удаления епископов, замененных уполномоченными графств, шотландский парламент стал светским органом, в котором преобладали землевладельцы, занимавшие 70% мест[33].

В этом шотландском парламенте на рубеже XVII–XVIII вв. доминировали две группировки – партия двора и партия земель, временами блокировавшаяся с якобитскими кавалерами. Эти две группы были более свободными объединениями политиков, чем современные политические партии, но идеологические и материальные интересы, которые лежали в их основе, как и вопрос о лояльности короне, сыграли значительную роль в дебатах об англо-шотландском союзе. Партию двора, доминирующую группу в союзном парламенте, возглавлял Джеймс Дуглас, герцог Куинсбери. Эта группировка поддерживалась монархом и установлениями 1690 года. Для членов партии двора парламентский союз являлся средством обеспечения протестантской преемственности, а также свободной торговли, которая считалась условием экономического роста Шотландии. Против двора выступили якобитские кавалеры. Хотя эта группа поддерживала урегулирование 1690 года, она была больше

[33] Brown 2005: 49-51.

связана с шотландским пресвитерианизмом, чем с панбританским протестантизмом придворной партии. Центральным элементом идеологии партии земель была приверженность независимости и суверенитету шотландской короны и парламента, а, следовательно, и шотландской нации. В отличие от якобитов, они были склонны поддерживать ганноверское правопреемство, стремясь к несколько иному конституционному устройству, нежели нынешний королевский союз.

Опираясь на свою веру в божественное право свергнутой династии Стюартов, якобиты выступили против ганноверского правопреемства, которое было изложено в английском Акте об урегулировании 1701 года и должно было быть гарантировано статьей II акта о союзе. Между якобитами и партией земель существовали серьезные религиозные (якобиты, в большинстве, были сторонниками епископата) и политические (в частности, по вопросу о престолонаследии) разногласия. Приверженность партии земель независимости Шотландии воплощалась в ее готовности развивать тесные связи с якобитами. Прочности этого союза также способствовала политика Джеймса герцога Гамильтона (1658–1712), лидера партии земель, чей личный якобитизм, обусловленный дружбой с Джеймсом VII, сочетался с семейными пресвитерианскими традициями, что означало его способность объединить разрозненную оппозицию, выступающую против договора[34].

Как бы то ни было, на рубеже XVI–XVIII вв. шотландские политики, представители шотландской аристократии, будучи уже одновременно и членами британского правящего класса, искренне полагали, что инкорпорация сможет сохранить «честь и привилегии Шотландии», независимость которой давно сохранялась лишь в названии. Это мнение не раз высказывалось в ходе парламентских дискуссий уже в 1703 г.[35]

После 1699 г. сторонники партии земель основывали свою политику на идее древней шотландской нации, которая находилась под угрозой объединения с более сильной соседкой. Как утверждает К. Уотли, среди шотландцев была распространена страстная уверенность в том, что их родина является старейшим независимым королевством в Европе с непрерывной королевской линией, восходящей к IX в., а теперь стоит перед угрозой исчезновения[36]. Идеи, распространяемые посредством печати, в т.ч. памфлетов, должны были «пробудить дух шотландского патриотизма», частью которого стали представления о политическом участии. Основой этого дискурса являлась концепция независимости как источника религиозных и других свобод, нуждавшаяся в защите.

Однако единство элит в отношении «британскости» не стоит преувеличивать. В этот период все еще наблюдаются значительные разногласия между королевским двором, с одной стороны, и значительной

[34] Bowie 2007: 14-16.
[35] Fletcher 1703.
[36] Whatley 2006: 11.

частью дворянства, объединяющейся с наиболее могущественными джентри, с другой, по вопросу о степени власти, которую необходимо сохранить за королем. Конституционные проблемы в сочетании с недовольством англиканским судом, одновременно заигрывающим с католицизмом и настойчиво преследовавшим пуритан и пресвитериан, свидетельствовали о новом политическом кризисе, теперь уже тесно переплетенном с националистическими интересами элиты.

Из-за того, что у Карла II не было прямого наследника мужского пола, всем было очевидно, что преемником престола станет брат монарха, католик Джеймс герцог Йоркский. После череды неудачных попыток протестантские группировки по всей Британии вновь установили свою власть и изгнали, теперь уже окончательно, династию Стюартов. Отныне на все три части королевства, где-то в результате военных действий, а где-то – политических деклараций, распространяла власть новая династия. И хотя процесс обретения власти по-разному реализовался на юге и на севере Британии, и в Шотландии, и в Англии закрепился протестантизм. Английская церковь была окончательно институциализирована как англиканская еще в 1688 г., а годом позже шотландская церковь в результате принятия «Билля о правах» еще больше укрепила свою обособленность[37]. Обе нации, наконец, согласились с разницей в исповедании, что являлось вопросом, вызывающим горячие споры на протяжении не одного столетия. И именно это окончательное размежевание сделало акт 1707 года совершенно предрешенным.

Несмотря на готовность элит двух частей королевства к союзу, массовое сознание было не столь оптимистично настроено в отношении унии. Источниками, позволяющими судить об этом, являются, помимо полемических трактатов, также эго-документы, оставленные, как правило, представителями образованных слоев. Уже в ходе предварительного обсуждения в 1702 г. выявился ряд проблем, символически олицетворяемых двумя образцами поведения. С одной стороны, это сэр Джеймс Далримпл, покинувший в 1702 г. дебаты об англо-шотландском союзе из-за «неудовлетворенности» английским отношением к Шотландии[38], а с другой, шотландец адмирал Дэвид Митчелл, назначенный в английский парламент с 1698 г. в качестве наблюдателя, и сохранивший свой парламентский пост и после 1707 г. Ни его служба в королевском флоте, ни пост в английском парламенте, ни его шотландское происхождение не являлись предметом каких-либо споров или возражений. Но в то же время в палате общин находились и те, кто выражал обеспокоенность слишком большим числом шотландцев на флоте. Поводом для беспокойства жителей юга стало и исчезновение названия «Англия», которое вскоре в официальных бумагах предстояло заменить на «Великобританию»[39]. С шотландской стороны недовольство, сопровождае-

[37] The Records of the Parliaments of Scotland 2007.
[38] Cruickshanks 2002: 825.
[39] Colley 1992: 13.

мое антианглийскими бунтами в Глазго и Эдинбурге в 1700 и 1702 гг., вызвал провал Дарьенского проекта. Однако теперь уже ничто не могло изменить политического курса на союз двух частей королевства.

Интеллектуальные дискуссии, сопровождавшие подготовку, подписание и обнародование парламентской унии 1707 г., не менее важны, чем ее политические, международные или экономические аспекты. Тем более они значимы, что именно интеллектуалы, публицисты, историки, писатели и художники, создавали тот образ союза, который затем уже во второй половине XVIII – начале XIX в. тиражировался в массовое сознание, формируя национальную шотландскую идентичность. Аргументы, приводимые сторонниками заключения союза 1707 г., включали как религиозные идеи, так и политические факторы.

Интересы Британской стратегической безопасности выразил в своих памфлетах Уильям Сеттон Питмедден (1673–1744), памфлетер с четко выраженной юнионистской позицией. Он был депутатом от графства Абердин в последнем шотландском парламенте 1703–1707 гг. и одним из комиссионеров, представлявших шотландскую сторону на переговорах по унии. Являясь членом партии двора, Сеттон Питмедден в значительной степени оказал влияние на позицию шотландской стороны по вопросу о новом союзе. В ходе голосования он высказывался «за» и по первой статье унии, и по договору в целом[40]. В отличие от своих предшественников, рассуждая об унии, политик использует концепт стратегической безопасности Британии: «поскольку уния защитит нашу религию, она будет способствовать безопасности, процветанию и миру Британии»[41]. Питмедден, однако же, обращает внимание на взаимные выгоды унии, поскольку если Англия обеспечит мир своим границам, безопасность со стороны Франции, а также «храбрых воинов для своего флота и армии», то Шотландия «станет не такой легкой добычей для внешних врагов», так как «будет защищена [английским] покровительством», не говоря уже об экономических выгодах союза с Англией[42].

В массовом восприятии в 1705–1707 гг. странным образом переплелись и представления о шотландском прошлом, и политические интересы, и патронажные практики. Очень сложно определить характер этого движения, развернувшегося в первые годы XVIII века – национальное, политическое, или экономическое – оно явило себя и в уличных протестах, и в интеллектуальных дискуссиях. Это позволяет говорить о новом, интегративном, этапе в формировании идеи «британскости». Бесспорно, что движение 1705–1707 гг. стало массовым ответом на процесс подготовки акта о союзе. Но в источниках мы редко встречаем прямые указания на то, что шотландцы не приемлют унию. Скорее настроения протестующих, как в форме петиций, составленных интеллек-

[40] Riley 1978: 131.
[41] William Setton of Pitmedden 1706: 5.
[42] Kidd 2008: 73.

туалами, так и бунтов, колебались между двумя состояниями: с одной стороны, очевидно осознание неизбежности происходящего, неотвратимости союза, а потому стремление максимально снизить его отрицательные последствия, а, с другой – нежелание реализовать этот союз в форме унии-инкорпорации. Последнее может объяснить тот факт, что именно в день голосования по первой статье унии, утверждавшей союз в форме инкорпорации, происходили наиболее ожесточенные столкновения.

Порой возникает соблазн полагать, что полный политический союз 1707 г. мог окончательно решить все вопросы идентичности, и на смену англичанам и шотландцам должны были прийти британцы. Однако такое восприятие событий противоречило бы историческим свидетельствам о разнообразной реакции на унию. В то время как по некоторым шотландским бургам прокатилась волна беспорядков, участники которых опротестовывали союз, в других частях Шотландии большинство населения были выступили с поддержкой объединения и даже выказывали готовность бороться за него. Совершенно очевидно и то, что многие шотландцы с энтузиазмом приняли название «Северная Британия» после 1707 г., что, вероятно, можно рассматривать как редукцию сложного политического противостояния накануне объединения. Но в этом упрощении также продолжалась традиция XVII века, о чем свидетельствуют записи Александра Лумисдена в 1614 г. и Питера Хея в 1627 г., принявших новое именование Шотландии[43]. Наряду с «Северной Британией» в исторических документах часто встречаем и термин «Южная Британия» – применительно к Англии[44]. Вместе со все более входящими в обиход новыми эпитетами большинство британцев еще продолжали использовать прежние обозначения для выражения своей идентичности.

Англо-шотландский акт 1707 г. об унии-инкорпорации традиционно рассматривается как документ, положивший начало истории нового британского государства. Вместе с тем, часто недооценивается тот факт, что он стал итогом более чем столетнего периода англо-шотландской интеграции в политической, интеллектуальной и экономической сферах, осуществляемой на индивидуальном, групповом, институциональном уровнях. При таком подходе весь период между актами об унии корон и унии парламентов следует рассматривать как единый процесс инкорпоративной унии, решение о которой хотя принималось элитами, но находило выражение и в массовом дискурсе. Наконец, такой подход к англо-шотландской унии 1603–1707 гг. позволяет рассматривать идентичность как процесс напряжения, в центре которого лежит не противостояние между интеграционным и сепаратистским взглядами на нацию, а конфликт между разными уровнями осмысления национального – индивидуальным, групповым, региональным.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

[43] Lumisden 1614; Hay 1627.
[44] Hall 1641: 17-18.

Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3-37. [Repina L.P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoi pamyati // Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati. M.: IVI RAN, 2012. S. 3-37].

Ameer-Ali T. Memoirs of Sir Andrew Melvill. London: John Lane, 1918. 179 p.

Atlas of Scottish History to 1707 / Ed. by P.G.B. Neill and H.L. McQueen. Edinburgh: The Scottish Medievalists 1996. 480 p.

Broadie A. A History of Scottish Philosophy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 392 p.

Brown K.M, Mann A.J. Introduction: Parliament and Politics in Scotland, 1567–1707 // Parliament and Politics in Scotland, 1567–1707 / Eds. by Brown K.M, Mann A.J. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. P. 1-56.

Bowie K. Scottish Public Opinion and the Anglo-Scottish Union, 1699–1707. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. 193 p.

Casada J.A. The Scottish Representatives in Richard Cromwell's Parliament // The Scottish Historical Review, 1972. № 152 (2). P. 124-147.

CMEIC, 1650–1654.

Court Minute, 16 July 1651.

Colley L. Britons: Forging the Nation 1707–1837. New Haven: Yale Univ. Press, 1992. 429 p.

Cruickshanks E., Handley S., Hayton D. The House of Commons, 1690-1715. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 825 p.

D[anish] R[igs] A[rchive], TKUA, England AII/12. Brev fra Nottingham til Christian IV, 5 October 1616.

Defoe D. The History of the Union of Great Britain. Edinburgh, 1709.

Ferguson W. The Making of the Treaty of Union of 1707 // Scottish Historical Review, 1964. № 43 (136). P. 89-110.

Firth C.H. Royalist Soldiers and Cromwellian Allies? // Transactions of the Royal Historical Society. New Series, 1903. № 17. P. 67-119.

Fletcher A. Speeches by a member of the Parliament which began at Edinburgh the 6th of may, 1703. Edinburgh: Gale Ecco, 1703. 82 p.

Grainger J.D. Cromwell Against the Scots: The last Anglo-Scottish War, 1650–1652. East Linton: John Tuckwell, 1997. 202 p.

Hall R. Eroologia Anglorum. Or, An help to English history Containing a succession of all the kings of England, and the English-Saxons, the kings and princes of Wales, the kings and lords of Man, and the Isle of Wight. London, 1641. 21 p.

Hay P. An Advertisment to the Subjects of Scotland, Of the fearful dangers threatned to Christian States, And namely to Great Britane, by the Ambition of Spayne. Aberdeen, 1627. 49 p.

Jones J. Country and Court. England 1658–1714. London: Hodder Arnold, 1993. 384 p.

Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 322 p.

Kidd C. Union and Unionisms: Political Thought in Scotland, 1500–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 322 p.

The Letters and Journals of Robert Baillie, Principle of the University of Glasgow MDCXXXVII-MDCLXII / Ed. by Lang D. Edinburgh, 1841. Vol. 1. 357 p.

Lockhart G. Memoirs concerning the affairs of Scotland, from Queen Anne's accession to the throne, to the commencement of the Union of the two kingdoms of Scotland and England, in May, 1707. London: J. Baker, 1714. 304 p.

Lumisden A. A Heavenly Portion Set Downe in a Sermon, Preached at the Funerall of Mistris Frances Sentleger, at Smeeth: In the Countie of Kent. London, 1614. 67 p.

Lynch M. Scotland: A New History. London: Pimlico, 1991. 499 p.

Macinnes A.I. The British Revolution, 1629–60. London: Red Globe Press, 2004. 348 p.

Macinnes A.I. Clanship, Commerce and the House of Stuart, 1603-1788. East Linton: Tuckwell, 1996. 288 p.

Macinnes A. I. Union and Empire: the Making of the United Kingdom in 1707. Cambridge:
Cambridge University Press, 2007. 382 p.

Marvell A. Andrew Marvell: The Complete English Poems / Ed. by Dunno E.S. L., 1974. 200 p.

Macinnes A.I. The Multiple kingdoms of Britain and Ireland: the "British" problem // The Blackwell Companion to Stuart Britain // Seventeenth Century Companion to British History / Ed. By Coward B. London: Wiley-Blackwell, 2002. P. 3-25.

Memoirs of Sir Andrew Melvill / Ed. by Ameer-Ali T. London: John Lane Co., 1918. 297 p.
Murdoch S. Network North: Scottish Kin, Commercial and Covert Associations in Northern Europe, 1603-1746. Leiden: E. J. Brill, 2006. 425 p.
Pinckne P.J. Scottish Affairs at Westminster: A Letter from the Union Parliament of 1654-5 // The Scottish Historical Review, 1967. № 142. P. 247-256.
The Records of the Parliaments of Scotland to 1707 / Ed. by Brown K.M., A.R. MacDonald. Edinburgh: St Andres, 2007. 108 p.
Riley P.W. The Union of England and Scotland: A Study in Anglo-Scottish Politics of the Eighteenth Century. Manchester: Manchester University Press, 1979. 351 p.
Samuel Hartlib Papers CD Rom. HP 22/1/79B. Ephemerides, 1650. Part 4.
Scott P.H. The Union of 1707: How and Why. Edinburgh: Saltire Society, 2006. 85 p.
Smout T.C. The Anglo-Scottish Union of 1707: I. The Economic Background // Economic History Review, 1964. № 16 (3). P. 455-467.
Styffe C.G. Rikskansleren Axel Oxenstiernas Skrifter och Brefvexling. Stockholm, 1977. Vol. 9. 959 p.
Taylor J. A Cup of Kindness: The History of the Royal Scottish Corporation, A London Charity, 1603–2003. East Linton: Tuckwell, 2003. 261 p.
Whatley C.A. Economic Causes and Consequences of the Union of 1707: A Survey // Scottish Historical Review, 1989. № 68 (2). P. 150-181.
Whatley C.A. The Scots and the Union. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 424 p.
William Setton of Pitmedden. Scotland's Great Advantages By An Union with England: Showen in a Letter From the Country, To a Member of Parliament, 1706. Glasgow University Library Special Collections Unit, James Dean Ogilvie Collection.

***Апрыщенко Виктор Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений, директор, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет; victorapr@sfedu.ru*

Being «British» in Britain: The Anglo-Scottish Union Debates of 1603-1707

The article is devoted to the influence of Anglo-Scottish relations on the formation of the idea of "Britain" in the 17th century. The author uses a wide range of narrative sources, and analyzes the mass and elite discourse of Anglo-Scottish relations in the period between the two acts, that of 1603 and 1707. The author emphasizes four stages in the development of the idea of "Britishness", including the turn of the 16-17th centuries – 1630s; 1640–1650s; 1660–1670s; 1690s – 1707, and argues that the relationship between "Englishness", "Scottishness" and "Britishness" was determined by a number of factors, among which the most significant were the relationship to the Stuart dynasty, understanding of the role of the monarchy as a whole, and intellectual understanding of Scottish history. The author concludes that from the point of view of the formation of the idea of "Britishness", the years 1603–1707 were a single process of incorporated union, limited by two legal acts and reflected in both elite and mass discourse.

Keywords: Anglo-Scottish union, identity, nationalism, Britishness, the Stuarts, 17th century

***Victor Yu. Apryshchenko**, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History and International Relations, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University; victorapr@sfedu.ru*